Государственная статистика животноводства в России конца XIX — начала XX вв.: дискуссии и перспективы изучения[1]

В. О. Афанасенков

Владислав Олегович Афанасенков, младший научный сотрудник РАНХиГС, Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1; младший научный сотрудник Московской высшей школы социальных и экономических наук, Газетный пер., д. 3–5, стр. 1.
E-mail: erpaison@gmail.com

В статье анализируются исследовательские подходы, гипотезы и оценки дореволюционной статистики животноводства, представленные в историографии. На раннем этапе в экспертном сообществе господствовало убеждение в низкой достоверности этой статистики, хотя большинство исследователей признавали ее пригодной для изучения динамики и географического размещения поголовья скота. Этап научного ретроспективного анализа начался с работы А. Л. Вайнштейна 1960 года, в которой данные текущего статистического учета сравнивались с итогами сельскохозяйственной переписи 1916 года. Вайнштейн предложил метод корректировки текущих данных и повышательные поправки к ним. Он же поставил вопросы о сопоставимости статистики Ветеринарного управления до и после 1896 года, о сопоставимости данных Центрального статистического комитета и Ветеринарного управления МВД. Новейший этап историографии относится к дискуссии «оптимистов» и «пессимистов» 2000-х годов. Наиболее обоснованной в этой дискуссии представляется гипотеза С. А. Нефедова о том, что текущая статистика до революции полноценно учитывала только взрослое поголовье скота, в отличие от переписи 1916 года, зарегистрировавшей молодняк. Ни один из исследовательских вопросов, сформулированных в историографии, не получил окончательного разрешения. В частности, недостаточно изучены возможности использования данных о поголовье скота для реконструкции объемов производства продуктов животноводства. Новым аспектом исследования может стать взгляд на статистику как на элемент системы государственного управления.

Ключевые слова: аграрная история, Ветеринарное управление, Центральный статистический комитет, губернаторские отчеты, сельскохозяйственная перепись, А. Л. Вайнштейн

EDN: ALCYDM

Состояние сельского хозяйства — ключевой аспект дискуссии «оптимистов» и «пессимистов» о характере социально-экономического развития и успехах модернизации Российской империи в порефор-

1. Статья написана в рамках Госзадания РАНХиГС 10.9-2025-1 «Экономическая статистика и российское государство: исторический опыт взаимодействия (середина XIX — первая треть XX в.)».

менный период. Историки, используя одни и те же источники, нередко приходят к принципиально разным выводам. Большая часть этой дискуссии принадлежит обсуждению источников и методов их анализа. Весьма острым, в частности, является вопрос о достоверности официальной статистики животноводства и возможности ее применения в историко-экономических исследованиях.

Российская социально-экономическая статистика имеет долгую традицию изучения, однако статистика животноводства, как и само животноводство, находятся на периферии исследовательского интереса, уступая зерновому хозяйству, промышленности, демографии и другим сферам, считающимся более важными. Как исторический источник эта статистика пока изучена недостаточно. Статья представляет собой попытку обобщения существующих в историографии оценок, гипотез и сформулированных исследователями источниковедческих проблем. Представляется, что критический анализ, оценка их сильных и слабых сторон позволят наметить перспективные направления изучения источника.

Начальный этап историографии

Одной из наиболее известных работ начального этапа является книга М. И. Добротворского, редактора крупного специализированного журнала «Вестник общественной ветеринарии», выходившего до Революции. Свою работу автор позиционировал как своеобразный справочник по российской животноводческой статистике и ее публикациям. «До настоящего времени положение этой отрасли знания в России оставляет желать лучшего», — еще во введении замечал он (Добротворский, 1909: 1). История официальной статистики животноводства излагалась им весьма сжато, пореформенной эпохе отводилась лишь одна глава, в которой рассматривалась и постановка текущей статистики, и специальные правительственные исследования. Основное внимание автор концентрировал на методологических достижениях неправительственной, земской статистики, в многообразии подходов которой ему, вероятно, виделся потенциал развития и позитивный опыт для официальной статистики: анализировались вопросные бланки и формуляры, способы собирания, обработки и публикации цифровых материалов в разных земствах.

Как известно, долгое время (с 1842 года) безальтернативным источником о численности скота являлись данные, которые в составе особой ведомости включались во всеподданнейшие отчеты губернаторов. Дореволюционные авторы, выступавшие с критикой официальной статистики животноводства, были единодушны в оценке ее низкого качества. Публицист С. А. Приклонский в 1880-е годы писал: «К сожалению, статистика ведется у нас очень небрежно, так что цифровым данным следует придавать только более или ме-

нее приблизительную верность, а пользоваться ими можно разве на основании пословицы, что на безрыбье и рак рыба» (Приклонский, 1884: 275). «Наша официальная статистика до сих пор находится в самом неудовлетворительном состоянии», — уже в 1890-е годы подытоживал экономист-народник Л. Н. Маресс (Маресс, 1893: 62). Позднее к аналогичным выводам пришел И. Х. Озеров (Озеров, 1905: 13). Земский статистик Л. С. Личков, подробно разобравший проблемы статистики, основанной на показаниях волостных правлений, особняком ставил именно статистику животноводства: «Волостное правление всегда хорошо помнит, что... данные о скоте всегда сойдут благополучно, лишь бы сведения за данный год не были буквально похожи на предыдущий» (Личков, 1902: 22).

Появление новых систем учета сельскохозяйственных животных — Ветеринарного отделения (с 1876 года, сельский и городской скот) и Центрального статистического комитета (ЦСК) МВД (с 1900 года, только сельский скот) — мало повлияло на ситуацию. Текущая статистика не перестала подвергаться резкой критике.

Большинство специалистов, подобно А. А. Радцигу, признавали, что без периодических общероссийских переписей любые цифры «всегда будут лишь приблизительными и гадательными» (Радциг, 1899: 36). Земские переписи охватывали лишь отдельные территории. В лучшем положении находился учет лошадей, периодически проводившийся военным ведомством, но и военно-конская перепись во всероссийском масштабе (78 губерний) была проведена только в 1912 году, тогда как предыдущие переписи единовременно затрагивали существенно меньшее число губерний.

Специалисты, основываясь на особенностях годового оборота стада разных животных и их хозяйственной специализации (продуктивный, рабочий скот), традиционно ранжировали статистику по качеству сообщаемых данных. Наиболее надежными считались материалы статистики коневодства, значительно менее надежными — крупного рогатого скота, затем — мелкого рогатого скота (овец и коз) (Историко-статистический, 1883: 4). Самыми ненадежными считались данные о численности свиней, хотя А. Ф. Фортунатов ставил их на один уровень с данными о скотоводстве и овцеводстве (Фортунатов, 1890: 40).

Фактически до 1960 года из работы в работу лишь воспроизводился тезис о дефектности статистических данных, который базировался на априорных посылках и зачастую не подкреплялся количественным анализом самих данных. В доказательную плоскость критику перевел А. Л. Вайнштейн, подведя фундамент под последующие дискуссии. В его статье (Вайнштейн, 1960а) были предложены ответы на ключевые вопросы к источнику, большая часть которых и сегодня сохраняет актуальность. Главная же его заслуга состояла в том, что, не ограничившись простой констатацией необходимости исправления заложенных в источнике искажений повышательными поправками, он конкретизировал их величину.

ИСТОРИЯ

Предпосылки для перехода к более глубокому анализу и осмыслению проблем статистики поголовья создала Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1916 года, опубликованные (предварительные) итоги которой были приняты исследователями в качестве эталона, позволяющего измерить погрешность предшествующих статистик, поскольку перепись по умолчанию признавалась наиболее надежным видом статистического учета.

Перепись имела неожиданные результаты, показав значительный прирост поголовья, резко контрастировавший с обстоятельствами военного времени и потерей территорий. На это обратили внимание специалисты уже на стадии обработки материалов. Руководивший обработкой П. П. Румянцев, в частности, допускал, что «эти цифры не означают собой роста русского скотоводства за время войны; они скорее свидетельствуют о неточности данных Ветеринарного управления»[2] и «сильно преуменьшают количество скота»[3]. Впоследствии этот вопрос поднимался многими специалистами (Лискун, 1917: 23; Иванов, 1918: 7; Серебренников, 1920: 58–59; Когон, Шенкман: 1922: 24; Лосицкий, 1930: 83; Нифонтов, 1937: 5–8; Маслов, 1955: 439–440) и др.

С другой стороны, большую часть экспертов и общественности итоги обнадежили: «Когда в прессе были опубликованы вкратце результаты сельскохозяйственной переписи и было подчеркнуто, что скота... против 1913 года оказалось на 36% больше, — все успокоились» (Карпов, 1918: 42). К середине 1920-х годов оптимистическая точка зрения, согласно которой влияние Первой мировой войны на поголовье не приобрело разрушительного характера, а по-настоящему стремительное его сокращение началось только в 1918 году, усилившись в годы Гражданской войны и достигнув максимума к 1922 году, получила широкое распространение (см., например: Челинцев, 1924: 138–141, 149; Иванцов, 1925: 205; Antsiferov, Bilimovich, Batshev, Ivantsov, 1930: 180; Литошенко, 2001: 157). В данном случае разрыв между текущей статистикой и переписью трактовался в том ключе, что ответственность за деградацию животноводства целиком возлагалась на большевиков и политику военного коммунизма.

По вполне очевидным причинам подобная точка зрения не могла получить развитие в работах исследователей советского периода. Первая мировая война рассматривалась в качестве катализатора революционного процесса, до предела обострившего заложенные в капиталистическом строе пореформенной эпохи проблемы и про-

2. Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. Вып. I. Европейская Россия. Пг., 1916. С. XV.

3. Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. Вып. II. Кавказ. Пг., 1917. С. VIII.

тиворечия, как «быстрый рост нужды и бедствий трудящихся масс, обострение классовой борьбы в стране, доведение этой борьбы до массовых вооруженных столкновений» (Анфимов, 1962: 3). Несмотря на то что статистические показатели, относящиеся к животноводству, широко привлекались для аргументации тезиса о нарастании продовольственного кризиса и падении благосостояния горожан и крестьянства, ключевой вопрос о том, как стыкуются данные текущего учета и переписи 1916 года, в историографии долгое время не поднимался. Итоги переписи не очень хорошо вписывались в схему эскалирующего кризиса, поэтому ее показатели использовались крайне избирательно.

Наиболее аргументированно «пессимистическую» концепцию представил А. Л. Вайнштейн. Главный акцент в его статье был сделан на сопоставлении данных ЦСК с переписью 1916 года, и результатами обосновывалась необходимость повышательных поправок в текущую довоенную статистику. Относительные разноречия между итогами переписи и данными ЦСК принимались за недоучет комитетской статистикой численности различных видов животных. За величину поправок предлагалось принять расхождение в численности сельских животных: по лошадям — 19,8%, крупному рогатому скоту — 41,5%, мелкому рогатому скоту (овцы и козы) — 68,8%, свиньям — 89,2% (Вайнштейн, 1960а: 112). Вайнштейн исходил из допущения, что размер недоучета в текущей статистике — величина постоянная. Следовательно, при приложении поправочных коэффициентов к данным за 1914–1915 годы ряд укажет на действительные изменения в поголовье.

От позднейших исследователей, обращавшихся к работе Вайнштейна, укрылись несколько важных аспектов проведенного сопоставления. Во-первых, Вайнштейн сравнивал данные ЦСК и переписи по двум группам губерний: (1) 44 губернии Европейской России (без Виленской, Волынской, Гродненской, Ковенской, Курляндской, Минской); (2) 44 губернии Европейской и 12 губерний и областей Азиатской России, перечень которых он не раскрыл. Приведенные выше расхождения, известные в качестве «поправок Вайнштейна», — результат сопоставлений именно по 56 регионам; расхождения по первой группе губерний оказались (кроме мелкого рогатого скота) хотя и близкими, но другими: 19,2%, 43,4%, 82,4% и 85,3% соответственно.

Во-вторых, Вайнштейн сравнивал данные переписи с цифрами ЦСК за 1916 год. Это примечательно, поскольку данные ЦСК за 1916 год никогда не публиковались и других указаний на существование таких данных за этот год в историографии не встречается. В советский период в изданиях ЦСУ для характеристики состояния животноводства в 1916 году всегда использовались именно итоги переписи. Вайнштейн, вероятно, пользовался неопубликованными материалами, которые были собраны, обработаны и сведены специалистами ЦСК. Поиск этих материалов в фондах архи-

вов представляет собой перспективную исследовательскую задачу, до решения которой проверку выводов Вайнштейна осуществить нельзя.

Проверку поправок на универсальность Вайнштейн произвел на довоенных данных из других источников. Вычисленные «коэффициенты превышения» данных земских переписей нескольких губерний (1910–1913 годов) над данными ЦСК свидетельствовали (с некоторыми оговорками) в пользу справедливости выводов, сделанных на материалах статистики военного периода: относительно численности КРС по сведениям о 6 губерниях превышение составило 37,8%, мелкого рогатого скота по сведениям о 3 губерниях — 40,9%, свиней по 4 губерниям — около 70% (Вайнштейн, 1960а: 106–108).

Несколько отклонившись от решения основной задачи, Вайнштейн также сопоставил ветеринарную и комитетскую статистику лошадей за 1909–1914 годы, обнаружив стабильное превосходство показаний Ветеринарного управления за пять предвоенных лет и небольшое (1,5%) превышение данных ЦСК за 1914 год. Первое обстоятельство закономерно объяснялось тем, что в ветеринарную статистику попадали лошади горожан, но допускалось, что «сведения В. У. страдали меньшим недоучетом, нежели данные ЦСК» (Вайнштейн, 1960а: 101). Соотношение показаний за 1914 год объяснялось тем, что две статистики фиксировали поголовье в разные моменты года. Так как Ветеринарное управление собирало данные на конец календарного года, в цифрах за 1914 год нашли отражение условия военного времени (реквизиции и пр.), которые статистика ЦСК (приуроченная к летнему периоду) учла только в данных за 1915 год. Вайнштейн, таким образом, наиболее четко сформулировал методологическое положение, являющееся непременным условием корректной интерпретации животноводческой статистики: «При сравнении сведений, относящихся к одному календарному году, нужно еще принимать во внимание время года, к которому относятся сравниваемые данные, ибо внутригодичная численность скота отличается резко выраженной сезонностью» (Вайнштейн, 1960а: 96).

При характеристике ветеринарной статистики Вайнштейн выявил еще одну проблему, связанную со скачком численности скота, наблюдаемым в 1896 году: суммарные итоги по 50 губерниям Европейской России оказались выше прошлогодних сразу на 21,7%. По отдельным видам прирост составил: 10,1% (лошади), 20,5% (КРС), 22,3% (мелкий рогатый скот), 44,3% (свиньи). Объяснение скачка экономист видел в одномоментном повышении качества регистрации животных и на этом основании сделал вывод о заниженности цифр за 1887–1895 годы и невозможности их использования до того момента, пока не будут внесены соответствующие поправки (Вайнштейн, 1960а: 88). Здесь Вайнштейн мало добавил от себя, так как опирался на мнение чиновников самого Ве-

теринарного отделения, признававших прирост неестественным (Отчет, 1896: 7).

Несмотря на пессимистичную оценку точности абсолютных значений, Вайнштейн полагал, что статистика в целом годится для выявления межгубернских и динамических различий, поскольку ее данные «благодаря устойчивости методов регистрации от года к году *динамику* отражали правильно» (Вайнштейн, 1960а: 100). Такое мнение озвучивалось в литературе и задолго до работы Вайнштейна. Еще Фортунатов, считавший показания губернаторской статистики стоящими ниже действительности, подчеркивал, что «некоторые обстоятельства заставляют считать эти данные пригодными для относительных географических сопоставлений» (Фортунатов, 1890: 32, 37). Именно при анализе долгосрочных изменений в размещении и специализации производства в пореформенный период использовала статистику животноводства (по отдельным срезам) Е. С. Карнаухова. Абсолютные значения она рассматривала как малодостоверные и заниженные по сравнению с итогами переписи 1916 года (Карнаухова, 1951: 114). Наиболее достоверным источником сведений о динамике и видовой структуре животноводства публикации ветеринарного ведомства считали Я. С. Гросул и И. Г. Будак (Гросул, Будак, 1972: 24–25).

К тем же выводам, что и Вайнштейн, пришел И. Д. Ковальченко. Полагая официальную статистику животноводства полностью непригодной в плоскости абсолютных значений, он в то же время признавал, что она «позволяет изучить различные аспекты динамики и географии животноводства» (Ковальченко, 2004: 50). «Достаточно достоверными» признавались данные земских подворных и военно-конских переписей. Для ветеринарной и комитетской статистик Ковальченко намечал перспективу корректировки поправочными коэффициентами, величину которых должно было уточнить специальное исследование, охватывающее более широкий, нежели у Вайнштейна, хронологический период и учитывающее региональный фактор (Там же: 51).

Вслед за Вайнштейном необходимость поправок в текущую статистику признавал Л. М. Горюшкин, но его позиция выделялась оригинальностью на фоне других мнений в их поддержку. По мнению Горюшкина, не сопровождавшемуся, впрочем, какими-либо аргументами и пояснениями, чтобы «подкорректировать» данные ЦСК, пользоваться нужно не только итогами переписи 1916 года, но также и переписи 1917 года (Горюшкин, 1988: 16).

А. М. Анфимов рассматривал динамику поголовья по данным ЦСК. Интересно его замечание относительно более высокой достоверности данных животноводческой статистики (ЦСК) сравнительно со статистикой урожайной: «...сведения о поголовье скота, представлявшиеся волостными правлениями на основе донесений сельских старост, должны быть точнее, скот как объект учета был более удобен» (Анфимов, 1980: 211). Тем не менее существенный не-

доучет статистикой реального поголовья исследователь считал несомненным фактом: «...опубликованные материалы переписей 1916 и 1917 гг. несравнимы с довоенными, крайне заниженными данными Центрального статистического комитета МВД и военно-конской переписи 1912 г.» (Анфимов, 1962: 118). Трудно сказать, предполагал ли Анфимов возможность поправок, но, критикуя Ю. Кейдена и А. Н. Анцыферова за сочетание в едином ряде ветеринарных и комитетских данных и итогов переписи, на основании которого был сделан вывод о росте поголовья за годы войны, он назвал их «заведомо несравнимыми величинами» (Там же: 8).

«Оптимисты» и «пессимисты»

Новый виток интереса к дореволюционной статистике животноводства спровоцировала большая дискуссия о характере социально-экономического развития России в пореформенный период, разгоревшаяся в 2000-х годах. Статья Вайнштейна во многом стала той узловой точкой, вокруг которой выстраивали свои аргументы противоборствующие стороны.

К авторитету экономиста апеллировал Б. Н. Миронов, аргументируя тезис о том, что «официальные данные преуменьшали численность скота в еще большей степени, чем сборы хлебов» (Миронов, 2012: 238). Степень недоучета текущей статистикой животноводства реального поголовья Миронов оценил в 30–50% (Там же: 54), не конкретизируя и не подкрепляя тезис аргументами. В другом месте он писал об общем недоучете в 50%; лошадей — в 16%, КРС — в 45%, мелкого скота (овцы, козы, свиньи) — в 83% (Там же: 238–239). Примечательно, что, в отличие от Вайнштейна, пользовавшегося данными ЦСК за 1916 год, Миронов сопоставлял данные переписи 1916 года с цифрами Ветеринарного управления (не ЦСК) за 1913 год. Между темпом прироста поголовья от 1913 к 1916 году и величиной недоучета реального поголовья текущей статистикой им ставился знак равенства. Его утверждение, что «к аналогичным выводам пришел А. Л. Вайнштейн» (Там же: 239), следовательно, не вполне корректно.

Выводы Миронова также строились на искаженных данных. Сравнение приведенных в его таблице 6.15 значений (Там же: 238) дает результаты, смягчающие тональность оценок. Итоги 1913 года уступают переписи: по лошадям — на 13,8%, по КРС — на 31,2%, по мелкому скоту — на 43,2%. Среди источников таблицы, на которых были основаны эти оценки, встречается «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств» (вып. 9), который и содержит данные Ветеринарного управления по 50 губерниям Европейской России за 1913 год. Перепись охватила меньшее число губерний, чем учет Ветеринарного управления до войны. Вместо того чтобы исключить

из предвоенных данных полностью или частично оккупированные территории, Миронов, стремясь к сопоставимости, дополнил перепись данными ветеринарной статистики по Ковенской и Курляндской губерниям за 1914 год. Характерно, что Гродненскую губернию, утраченную в ходе кампании 1915 года, он не упомянул и, судя по всему, вычеркнул из сопоставлений. Однако вычтя из итогов 1913 года три указанные губернии и оставив данные переписи в том виде, как они показаны в первоисточнике, получим, что численность лошадей по переписи превышала показатель 1913 года лишь на 5,2%, КРС — на 19,2%, мелкого скота — на 31,5%.

В новой крупной работе по истории российской модернизации Миронов вновь заявил, что текущая статистика животноводства (в данном случае статистика ЦСК) страдала недоучетом поголовья, отослав читателя к вышеупомянутым данным. Но здесь возникло явное противоречие с его тезисом о том, что положение сельского хозяйства в годы Первой мировой войны не только не ухудшалось, а даже улучшалось. В том же разделе Миронов писал об увеличении числа лошадей как о реальном факте: «Число лошадей в 1916 г. сравнительно с 1913 г. увеличилось на 4%, несмотря на большие реквизиции... Поскольку военно-мобилизационные реквизиции осуществлялись... по ценам, близким к рыночным, они были выгодны для крестьянства» (Миронов, 2019: 100–101). Кроме того, оценки прироста численности других видов вновь были им пересмотрены: «Поголовье крупного рогатого скота в 1916 г. сравнительно с 1913 г. увеличилось на 20% и мелкого скота — на 45%» (Там же: 101). Эта работа — парадоксальный историографический факт. Аргументационная схема Вайнштейна, хотя и наполненная некорректными данными, оказалась направленной на обоснование тезиса, к развенчанию которого была предназначена изначально.

Вопреки мнению большинства исследователей, Миронов поставил под сомнение возможность применения данных текущего учета для изучения тенденций развития отрасли. Так, в одной из статей он писал: «По причине неточности статистики животноводства рискованно давать оценки как уровня производства мясомолочной продукции, так и его динамики» (Миронов, 2008: 93). Впоследствии в тексте монографии формулировка редуцировалась: «...из-за неточности статистики животноводства оценки производства мясомолочной продукции — весьма ориентировочны» (Миронов, 2012: 239). Исчезновение динамики из формулировки нельзя объяснить несоответствием данного аспекта проблемной направленности книги (уровень благосостояния населения), поскольку упомянутая статья имела аналогичную направленность.

М. А. Давыдов специально не анализировал данные статистики животноводства, констатируя ее недостоверность и заниженность в русле общей критики дореволюционной правительственной статистики, основанной на показаниях волостных правлений (Давыдов, 2016: 62, 91).

Размышления над положениями статьи Вайнштейна исходили и от представителей «пессимистического» направления — С. А. Нефедова и А. В. Островского. Наиболее значительный вклад в разработку проблемы после Вайнштейна сделал Нефедов. Не имея данных ЦСК за 1916 год, он предложил интерпретацию резкого прироста поголовья на основании уже известных опубликованных материалов. Проанализировав погубернскую динамику животноводства за годы войны (за 1914–1915 годы по комитетским данным, за 1916 год — по данным переписи), Нефедов обнаружил, что значительная часть прироста лошадей и крупного рогатого скота в 1916 году обеспечивалась губерниями с высоким процентом кочевого инородческого населения: Астраханской и Оренбургской. Объяснение исследователь видел в том, что скот кочевников не регистрировался текущей статистикой ЦСК, и в интересах сопоставимости далее не учитывал эти губернии.

Главным же исследовательским результатом статьи Нефедова стала гипотеза о том, что комитетская статистика *полноценно* учитывала *численность только взрослых животных*, а разница с переписью — следствие того, что перепись дополнительно учла молодняк. За удалением из итогов молодняка показания сближаются. Это наблюдение Нефедов полагал справедливым для всех видов (мелкий рогатый скот — с оговорками), за исключением свиней, стадо которых слишком интенсивно колеблется в течение года, что осложняет проверку (Нефедов, 2011).

Принципиальной новизны этот тезис не содержал. Вайнштейн (применительно к конскому поголовью) допускал, что едва ли не большая часть недоучета приходилась на молодняк (Вайнштейн, 1960а: 103), но общего вывода из частного суждения не сделал. Еще раньше к этой мысли пришел М. Ф. Иванов при характеристике данных о численности овец по ветеринарной статистике (1913 года) и переписи 1916 года: «Если сравнить все количество овец, зарегистрированное в 1916 г. с количеством овец в 1913 г., исчисленным по данным Ветеринарного управления, то, конечно, получается большой прирост овец, но это только потому, что в переписи посчитаны ягнята, которые в огромном большинстве к осени ликвидируются» (Иванов, 1918: 7). Близкую гипотезу о *полном недоучете* молодняка озвучил новосибирский историк В. И. Пронин. Он заключил, что «большой разрыв в данных между 1911–1915, с одной стороны, и 1916–1917 гг. — с другой, является только результатом более полного учета поголовья скота во время переписей». При выведении средних за 1911–1915 годы из итогов переписи Пронин вычел жеребят, телят, ягнят, козлят до 1 года и поросят до 4 месяцев, получив адекватные показатели прироста в 1916 году (Пронин, 1978: 113–114).

Новизна статьи Нефедова в другом. Оспаривая тезис Вайнштейна о том, что ряды данных ЦСК стали адекватно реагировать на изменение связанных с животноводством социально-эко-

номических факторов лишь после 1909 года, Нефедов подобрал регрессионную модель, показавшую, что и на более раннем этапе, 1904–1908 годов, данные ЦСК изменялись согласованно с переменными-предикторами — численностью населения, сборами зерновых, картофеля, укосами сена. Наиболее тесная связь наблюдалась с данными о численности лошадей и крупного рогатого скота, обладавшими большей точностью, нежели данные о мелком рогатом скоте и свиньях (Нефедов, 2011: 108–109). Таким образом, Нефедов в значительной степени реабилитировал статистику животноводства (во всяком случае комитетскую), показав, что она достоверно передает динамические изменения животноводства и представляет внушающие доверия абсолютные значения. Очевидно, динамический аспект проблемы был аргументирован с большей, прежде всего методологической, убедительностью. Обоснование второго аспекта нуждается в доработке путем расширения хронологических рамок. Перспективы аргументации видятся прежде всего в сопоставлении данных текущего довоенного учета с итогами земских переписей (с учетом и без учета молодняка), и синхронизации его результатов с наблюдениями Нефедова.

Проблему разрыва 1895/1896 года Нефедов не затрагивал, но кратко упомянул о скачке 1896 года (ошибочно соотнеся его с губернаторской статистикой), поддержав интерпретацию Вайнштейна (Там же: 98).

Важное место в историографии проблемы занимает книга А. В. Островского, причем не только как специально источниковедческое исследование, но и как детальное исследование истории организации отрасли животноводства в имперский период — вопросов о содержании, кормлении, обороте стада, функциях, продуктивных свойствах разных животных, торговле скотом и их продуктами (Островский, 2014). Островский полагал, что данные и текущей (Ветеринарного управления, ЦСК МВД), и основной (военно-конских переписей) официальных статистик занижали фактическую численность скота. Подобно предшественникам, он считал статистику животноводства пригодной для изучения динамики и размещения животноводства в пространстве, а структуру и фактический уровень поголовья предлагал изучать на основании данных переписи 1916 года. Впрочем, насчет того, как именно должно строиться это изучение, историк пояснений не оставил.

Кроме того, Островский выступил с собственной интерпретацией проблемы заниженности данных статистики ЦСК. По его мнению, она *недоучитывала* молодняк. Основой гипотезы были архивные материалы ЦСК за 1913 год, якобы свидетельствовавшие о существовании в ЦСК дифференцированного учета по трем половозрастным группам: (1) быки и волы, (2) коровы, (3) телята. Исходя из допущения, что корове соответствует только 1 теленок, и известной численности коров, а также принимая поправки на яловость, мертворождаемость и смертность в первые дни жизни,

Островский определил величину недоучета телят статистикой ЦСК в 27% (Там же: 35–38). На деле система была устроена несколько иначе: дифференцированная регистрация в статистике ЦСК действительно существовала, но вместо «телят», под которыми Островский, очевидно, понимал животных не старше 1 года, учитывался весь «молодой скот до 3 лет»[4]. Следовательно, предположение ошибочно в самом основании.

Поддержав гипотезу Вайнштейна об одномоментном улучшении учета в системе ветеринарной статистики, Островский предложил «предварительное» решение проблемы сопоставимости данных — ввести поправки в цифры за 1887–1895 годы на величину прироста 1896 года (Там же: 31–32, 37). Однако в следующей работе он отказался от первоначального варианта, использовав более осторожную формулировку: «...вопрос о степени этой несопоставимости пока остается открытым» (Островский, 2016: 132).

Также Островский выявил в погубернских данных Ветеринарного управления регулярные повторы прошлогодних цифр. Повторы не были замечены Вайнштейном, анализировавшим только суммарные общероссийские данные. Это наблюдение представляется важным, хотя исследователь и не обратил внимание на очевидную связь повторов со скачком 1896 года.

Вообще систематические повторы значений в рядах ветеринарной статистики — факт, о котором известно давно. Судя по указанию В. И. Покровского, работа по выявлению повторяющихся цифр впервые была проделана будущим главой Ветеринарного управления В. Ф. Нагорским (по крайней мере по лошадям), но о публикации результатов этого анализа сведений нет (Сборник, 1902: 156). Статья Ф. А. Череванина, которого интересовали последствия неурожаев (колебаний урожаев) для сельского хозяйства (численность сельского населения, посевные площади, дифференциация крестьянства, хлебные цены) и животноводства, в частности, не имеет прямой связи с проблемой 1895/1896 года. Вместе с тем его анализ показал, что «данные вет. упр. <...> не только неточны, не только изобилуют совершенно необъяснимыми скачками по отдельным годам, но... отличаются еще несравнимостью цифр для отдельных губерний за те же годы»; их использование проблематично: «...приходится <...> пробираться через эти цифры, как сквозь дремучий лес» (Череванин, 1927: 208). Не говоря прямо о наличии повторов, Череванин исключил из сводной и порайонной таблиц данные за 1889–1890 и 1893–1895 годы (Там же: 212, 230), для которых в большинстве погубернских рядов встречаются идентичные значения.

Какова связь между повторами и скачком поголовья? В недавней работе было показано, что прирост 1896 года стал следствием

4. Российский государственный исторический архив. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 143. Л. 85 об.

несовершенной постановки статистики ветеринарного ведомства. До этого года регулярно повторялись данные прошлых лет, а в 1896 году ведомство единовременно обновило цифры по большей части губерний. В результате создалась иллюзия динамики (Афанасенков, 2023). В некотором смысле это действительно ознаменовало собой повышение качества статистики: в дальнейшем отмечаются лишь немногочисленные случаи повторов для некоторых губерний и в отдельные годы.

После снижения накала дискуссии «оптимистов» и «пессимистов» интерес к статистике животноводства угас. Единичные работы последних лет игнорируют этап разработки темы после Вайнштейна. Показательна в этом отношении статья О. В. Колесниковой, структура и выводы которой почти в точности воспроизводят статью Вайнштейна (Колесникова, 2023).

Возможна ли статистика производства продуктов животноводства?

Статья Вайнштейна была частью большого проекта по расчету «народного богатства» дореволюционной России и СССР (Вайнштейн, 1960 б; Вайнштейн, 1969). Именно поэтому она вызывает интерес представителей современной экономической истории, одной из ключевых исследовательских задач которой является вычисление исторического ВВП. Работы историков-экономистов (Грегори, 2003; Маркевич, Харрисон, 2013), использующих, в отличие от упомянутых выше авторов, поправки по прямому назначению, составляют своеобразное ответвление от историографической линии, идущей от Вайнштейна.

Дореволюционная текущая статистика животноводства состоит из одного, причем максимально простого, показателя — это статистика поголовья в самом общем виде, без разбивки на половые и возрастные группы. Других показателей (воспроизводства, продуктивности и др.) она не включала. Видимо, здесь кроется объяснение того факта, что исследователи, оценивавшие вклад отрасли в национальный доход, определяли лишь общую стоимость поголовья по конъюнктурным данным разных источников — это следствие отсутствия прямых данных о продукции животноводства.

Сложность организации такого учета очевидна. Даже в странах Западной Европы и США, где существовала развитая сельскохозяйственная статистика, в первой трети XX века для расчета продукции животноводства использовались определенные коэффициенты, полученные в рамках специальных обследований, и экспертные оценки. Советские статистики, даже несмотря на несравненно более совершенную сравнительно с дореволюционным периодом постановку учета, все же вынуждены были преодолевать ограничения источника, компенсируя его материалами крестьян-

ских бюджетов, статистикой Госстраха, перевозок и сведениями из других источников (Лосицкий, 1930: 96–100).

Метод реконструкции на основании экспертных оценок современников (разбор источников дореволюционного и раннесоветского периодов см.: Лубны-Герцык, 1927) в случае дореволюционной статистики животноводства не имеет альтернатив. Продуктивность животных в половозрастных группах различается, следовательно, нужно знать структуру поголовья. Источник, дающий сведения о структуре поголовья с высокой степенью детализации, — это материалы переписи 1916 года. Хотя для изучения продуктивного животноводства вопрос является ключевым, до сих пор возможность такой экстраполяции в историографии, за исключением попытки С. Н. Прокоповича (Опыт, 1918: 10), не обсуждалась. Но к этой задаче только предстоит подступить после решения вопроса о том, какую часть поголовья учитывала статистика.

Заключение

Лейтмотивом существующей историографии является проблема достоверности и надежности статистики животноводства. В своем развитии историография проделала путь от господства априорных оценок недостоверности текущей статистики животноводства к оформлению методологии научной критики, важнейшим приемом которой является сопоставление данных текущего учета с итогами Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. Статья Вайнштейна заложила основы для дискуссии о необходимости поправок на недоучет поголовья, которая не выявила единства мнений. С другой стороны, почти полный консенсус достигнут по поводу достаточной надежности животноводческой статистики для изучения динамики и географического распределения животноводства.

К числу других поставленных в литературе источниковедческих проблем относятся: (1) вопрос о природе скачкообразного увеличения значения в статистике Ветеринарного управления в 1896 году и (2) вопрос о сопоставимости показаний ветеринарной и комитетской статистик. Более сложным является вопрос о возможности использования данных дореволюционного текущего учета для определения выхода продукции животноводства. На данный момент ни одна из поставленных предшествующей историографией проблем не получила окончательного разрешения. Эмпирический материал для аргументации пока далек от исчерпания.

Отметим, что отождествление статистики с ее цифровыми материалами существенно упрощает характер этого исторического источника. Очевидно, необходимо учитывать, что правительственная статистика, как часть текущего ведомственного делопроизводства, была включена в механизмы государственного управления и выпол-

няла определенные административные функции; ее сбор, передача, обработка и использование координировались определенными органами и регламентировались соответствующими нормативными актами. Собственно, источниковедение и исходит из того, что источник можно комплексно оценить, «лишь зная историю организации статистического учета и состояние науки в этой области» (Антонова, 1968: 5). В наиболее общем виде сказанное очерчивается следующим кругом вопросов: С какой целью статистика начинала собираться? Менялась ли эта цель со временем? Какие органы власти были задействованы в сборе и передаче сведений с мест в центр? Кто был конечным получателем статистических данных? Конкурировали ли ведомства, собиравшие данные о животноводстве? Если по абсолютной точности статистические данные отличались низкой надежностью (приблизительной точностью), то почему государство удовлетворялось этим?

Поиск ответов на эти вопросы не должен заменять собой изучение количественных данных — это части одного целого. В противном случае мы рискуем подменить «источниковедческий анализ изучением истории становления и развития статистических органов и “статистического дела”» (Рынков, 2024: 122).

Библиография

Антонова С. И. (1968). Статистические источники по истории СССР периода капитализма: Учебное пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та.

Анфимов А. М. (1962). Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.). М.: Издательство социально-экономической литературы.

Анфимов А. М. (1980). Крестьянское хозяйство Европейской России, 1881–1904. М.: Наука.

Афанасенков В. О. (2023). Статистика животноводства Ветеринарного отделения (управления) МВД: к вопросу о скачкообразном увеличении значений в 1896 г. // Отечественная официальная статистика: прошлое, настоящее, будущее: Сборник материалов Международной научной конференции. М.: Русайнс. С. 11–23.

Вайнштейн А. Л. (1960а). Из истории предреволюционной статистики животноводства: о численности поголовья скота и изменениях ее в годы Первой мировой войны // Очерки по истории статистики СССР: (Сборник третий). М.: Госстатиздат ЦСУ СССР. С. 86–115.

Вайнштейн А. Л. (1960б). Народное богатство и народнохозяйственное накопление в предреволюционной России: (Статистическое исследование). М.: Госстатиздат ЦСУ СССР.

Вайнштейн А. Л. (1969). Народный доход России и СССР: История, методология исчисления, динамика. М.: Наука.

Горюшкин Л. М. (1988). Источники по истории крестьянства и сельского хозяйства Сибири во второй половине XIX — начале XX в.: Учебное пособие. Новосибирск: Новосибирский государственный университет.

Грегори П. (2003). Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. М.: РОССПЭН.

Гросул Я. С., Будак И. Г. (1972). Очерки истории народного хозяйства Бессарабии (1861–1905 гг.). Кишинев: Картя молдовеняскэ.

Давыдов М. А. (2016). Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте-Столыпина. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Алетейя.

Добротворский М. И. (1909). Опыт истории и методологии статистики животноводства. СПб.: Издание журнала «Вестник общественной ветеринарии».

Иванов М. Ф. (1918). Русское овцеводство в связи с возможностью сбыта баранины на русские и иностранные рынки. М.: Товарищество «Печатня С. П. Яковлева».

Иванцов Д. Н. (1925). Война и современное состояние русского сельского хозяйства // Труды Первого съезда русских деятелей сельского хозяйства, состоявшегося в г. Праге 18–24 апреля 1924 г. Вып. I. Прага: Хутор. С. 202–209.

Историко-статистический обзор промышленности России (1888). Т. I: Сельскохозяйственные произведения, огородничество, садоводство и домашние животные, горная и соляная промышленность / Под ред. В. И. Ковалевского. СПб.: Типография А. С. Суворина.

Карнаухова Е. С. (1951). Размещение сельского хозяйства России в период капитализма (1861–1914 гг.). М.: Издательство Академии наук СССР.

Карпов А. А. (1918). Влияние войны на наше отечественное скотоводство и меры к его увеличению // Труды Всероссийского съезда по животноводству в Москве с 28 августа по 2 сентября 1917 года. Вып. 2: Доклады. М. С. 38–44.

Ковальченко И. Д. (2004). Аграрный строй России второй половины XIX — начала XX в. М.: РОССПЭН.

Когон М., Шенкман И. (1922). Экспортные возможности России: статистико-экономический очерк / Под ред. и со вступ. ст. В. Г. Громана. М.: Издание НКВТ.

Колесникова О. В. (2023). Статистика животноводства в дореволюционной России // Двадцать четвертые Петровские чтения: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием 16–17 ноября 2022 г. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского. С. 322–329.

Лискун Е. Ф. (1917). Мясной вопрос в современной хозяйственной обстановке. Пг.: Типография Императорской Академии наук.

Литошенко Л. Н. (2001). Социализация земли в России. Новосибирск: Сибирский хронограф.

Личков Л. С. (1902). К вопросу о реформе официальной статистики (преимущественно по данным юго-западного края) // Киевская старина. Январь. С. 1–34.

Лосицкий А. Е. (1930). Статистика животноводства // Хозяйственная статистика СССР: Сборник статей. Л.: Прибой. С. 79–103.

Лубны-Герцык Л. И. (1927). К вопросу о методах собирания и обработки статистических сведений по животноводству // Вестник статистики. № 2. С. 112–130; № 4. С. 131–152.

Маресс Л. Н. (1893). Пища народных масс // Русская мысль. Кн. XI. С. 60–75.

Маркевич А., Харрисон М. (2013). Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: Национальный доход России в 1913–1928 гг. М.: Мысль.

Маслов П. П. (1955). Критический анализ буржуазных статистических публикаций. М.: Издательство Академии наук СССР.

Миронов Б. Н. (2008). Достаточно ли производилось пищевых продуктов в России в XIX — начале XX в.? // Уральский исторический вестник. № 3. С. 83–95.

Миронов Б. Н. (2012). Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. 2-е изд., испр. и доп. М.: Весь мир.

Миронов Б. Н. (2019). Российская модернизация и революция. СПб.: Дмитрий Буланин.

Нефедов С. А. (2011). Уровень потребления начала XX века и причины русской революции. Статья 2. Проблемы животноводческой статистики // Общественные науки и современность. № 3. С. 97–111.

Нифонтов В. П. (1937). Продукция животноводства СССР / Под ред. И. А. Краваля. М.: Издательство «Плановое хозяйство».

Озеров И. Х. (1905). Экономическая Россия и ее финансовая политика на исходе XIX и в начале XX века. М.: Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко.

Опыт исчисления народного дохода 50 губ. Европейской России в 1900–1913 гг. (1918) / Под ред. С. Н. Прокоповича М.: [б. и.].

Островский А. В. (2014). Животноводство Европейской России в конце XIX — начале XX в. СПб.: ООО «Полторак».

Островский А. В. (2016). Российская деревня на историческом перепутье. Конец XIX — начало XX в. М.: Товарищество научных изданий КМК.

Приклонский С. А. (1884). Народная жизнь на Севере. М.: Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко.

Пронин В. И. (1978). Скотоводство в Сибири в XIX — начале XX в. (к статистике вопроса) // Из истории Алтая. Томск: Изд-во Том. ун-та. С. 95–129.

Радциг А. А. (1899). Скотоводство и молочное хозяйство в разных государствах. СПб.: Типография Т-ва «Народная польза».

Рынков В. М. (2024). Статистические источники в свете видовой классификации // Уральский исторический вестник. № 3. С. 114–124.

Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. Т. 1 / Под ред. В. И. Покровского (1902). СПб.: Типо-литография М. П. Фроловой.

Серебренников И. И. (1920). Материалы к вопросу о численности и составе скота в Сибири: (Сельскохозяйственная перепись 1916 года). Харбин: Типография КВЖД.

Фортунатов А. Ф. (1890). Краткие очерки по статистике земледелия и скотоводства. М.: Тип. М. Волчанинова.

Челинцев А. Н. (1923). Сельскохозяйственная география России. Берлин.

Череванин Ф. А. (1927). Влияние колебаний урожаев на сельское хозяйство в течение 40 лет — 1883–1923 гг. // Влияние неурожаев на народное хозяйство России. Ч. 1. М.: РАНИОН. С. 160–301.

Antsiferov A. N., Bilimovich A. D., Batshev M. O., Ivantsov D. N. (1930). Russian Agriculture during the War. New York: Greenwood Press.

Pre-revolutionary official statistics of animal husbandry: The state of historiography and research prospects

Vladislav O. Afanasenkov, Junior Researcher, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia; Moscow School of Social and Economic Sciences. Gazetny per., 3-5, bl. 1, Moscow, 125009, Russia. E-mail: erpaison@ gmail.com

Abstract. The article considers research approaches, hypotheses and assessments of the pre-revolutionary livestock statistics as presented in historiography. At the early stage, the expert community mainly believed in the low reliability of such data, although admitted its suitability for the study of livestock population dynamics and geographical distribution. The retrospective scientific analysis started with A. L. Vainshtein's article (1960) comparing annual statistics with the 1916 agricultural census. Vainshtein proposed a method for adjusting annual data and upward corrections and questioned the comparability of the Veterinary Department statistics before and after 1896 and the consistency of data of the Central Statistical Committee and the Veterinary Department of the Ministry of Internal Affairs. The most recent stage of historiography was marked by the debate between "optimists" and "pessimists" in the 2000s. The most reasonable hypothesis was proposed by S. A. Nefedov — that the pre-revolutionary annual statistics fully accounted for adult livestock, while the 1916 census also counted young cattle. None of the historiographic research questions have been resolved, including the use of the livestock population data for identifying the volume of livestock production. The author suggests considering statistics as an element of the state system of governance.

Key words: A. L. Vainshtein, agricultural census, agricultural history, Central Statistical Committee, provincial governors' reports, Veterinary Department

References

Afanasenkov V. O. (2023) Statistika zhivotnovodstva Veterinarnogo otdeleniya (upravleniya) MVD: k voprosu o skachkoobraznom uvelichenii znachenij v 1896 g. [Livestock statistics of the Veterinary Department of the Ministry of Internal Affairs: On the sudden increase in values in 1896]. *Otechestvennaya ofitsialnaya statistika: proshloe, nastoyashchee, budushchee: Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii*], Moscow: Rusains, pp. 11–23.

Anfimov A. M. (1962) *Rossiiskaya derevnia v gody Pervoi mirovoi voiny (1914 — fevral 1917 g.)* [Russian Village during the First World War (1914 — February 1917)], Moscow: Izd-vo sotsialno-ekonomicheskoj literatury.

Anfimov A. M. (1980) *Krestyanskoe khozyaistvo Evropeiskoi Rossii, 1881–1904* [Peasant Economy of European Russia, 1881–1904], Moscow: Nauka.

Antonova S. I. (1968) *Statisticheskie istochniki po istorii SSSR perioda kapitalizma* [Statistical Sources on the History of the USSR in the Capitalist Period], Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta.

Antsiferov A. N., Bilimovich A. D., Batshev M. O., Ivantsov D. N. (1930) *Russian Agriculture during the War*, New York: Greenwood Press.

Chelintsev A. N. (1923) *Selskokhozyaistvennaya geografiya Rossii* [Agricultural Geography of Russia], Berlin.

Cherevanin F. A. (1927) Vliyanie kolebanij urozhaev na selskoe khozyaistvo v techenie 40 let — 1883–1923 gg. [The influence of harvest fluctuations on agriculture for forty years — 1883–1923]. *Vliyanie neurozhaev na narodnoe khozyaistvo Rossii*, vol. 1, Moscow: RANION, pp. 160–301.

Davydov M. A. (2016) *Dvadtsat let do Velikoi voiny: rossiiskaya modernizatsiya Witte-Stolypina* [Twenty Years before the Great War: Witte-Stolypin Modernization of Russia], Saint Petersburg: Aleteiya.

Dobrotvorsky M. I. (1909) *Opyt istorii i metodologii statistiki zhivotnovodstva* [Essay on the History and Methodology of Livestock Statistics], Saint Petersburg: Izdanie zhurnala "Vestnik obshchestvennoi veterinarii".

Fortunatov A. F. (1890) *Kratkie ocherki po statistike zemledeliya i skotovodstva* [Brief Essays on Agricultural and Livestock Statistics], Moscow: Tip. M. Volchaninova.

Goryushkin L. M. (1988) *Istochniki po istorii krestyanstva i selskogo khozyaistva Sibiri vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v.* [Sources on the History of Peasantry and Agriculture in Siberia in the Second Half of the 19th — Early 20th Century], Novosibirsk: Novosibirsky gosudarstvenny universitet.

Gregory P. (2003) *Ekonomichesky rost Rossiiskoi imperii (konets XIX — nachalo XX v.): Novye podschety i otsenki* [Economic Growth in the Russian Empire (Late 19th — Early 20th Century): New Calculations and Estimates], Moscow: ROSSPEN.

Grosul I. S., Budak I. G. (1972) *Ocherki istorii narodnogo khozyaistva Bessarabii (1861–1905 gg.)* [Essays on the Economic History of Bessarabia (1861–1905)], Kishinev: Kartia moldoveniaske.

Istoriko-statisticheskiy obzor promyshlennosti Rossii (1888), t. 1: Selskokhozyaystvennye proizvedeniya, ogorodnichestvo, sadovodstvo i domashnie zhivotnye, gornaya i solyanaya promyshlennost [Historical-Statistical Overview of the Russian Industry (1888), vol. 1: Agricultural Products, Horticulture, Gardening, and Animal Husbandry; Mining and Salt Industry] (ed. by V. I. Kovalevsky), Saint Petersburg: Tipografiia A. S. Suvorina.

Ivanov M. F. (1918) *Russkoe ovtsevodstvo v svyazi s vozmozhnostiyu sbyta baraniny na russkie i inostrannye rynki* [Russian Sheep Breeding in Connection with the Possibility of Selling Lamb on the Russian and Foreign Markets], Moscow: Tovarishchestvo "Pechatnya S. P. Iakovleva".

Ivantsov D. N. (1925) Voina i sovremennoe sostoyanie russkogo selskogo khozyaistva [The war and the current state of Russian agriculture]. *Trudy Pervogo s`ezda russkih*

deyatelei selskogo khozyaistva, sostoyavshegosia v g. Prage 18–24 aprelya 1924 g., vol. 1, Prague: Khutor, pp. 202–209.

Karnaukhova E. S. (1951) *Razmeshchenie selskogo khozyaistva Rossii v period kapitalizma (1861–1914 gg.)* [Distribution of Russian Agriculture in the Capitalist Period (1861–1914)], Moscow: Izd-vo AN SSSR.

Karpov A. A. (1918) Vliyanie voiny na nashe otechestvennoe skotovodstvo i mery k ego uvelicheniyu [The impact of the war on our cattle breeding and measures to increase its production]. *Trudy Vserossijskogo s`ezda po zhivotnovodstvu v Moskve s 28-go avgusta po 2-e sentyabria 1917 goda*], vol. 2: Reports, Moscow, pp. 38–44.

Kogan M., Shenkman I. (1922) *Eksportnye vozmozhnosti Rossii: statistiko-ekonomichesky ocherk* [Export Potential of Russia: A Statistical-Economic Essay] (ed. by V. G. Groman), Moscow: Izdanie NKVT.

Kolesnikova O. V. (2023) Statistika zhivotnovodstva v dorevoliutsionnoi Rossii [Livestock statistics in pre-revolutionary Russia]. *Dvadtsat chetvertye Petrovskie chteniya: Materialy Vserossijskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem 16–17 noyabrya 2022 g.*], Saint Petersburg: Russkaya khristianskaya gumanitarnaya akademiya im. F. M. Dostoevskogo, pp. 322–329.

Koval'henko I. D. (2004) *Agrarny stroi Rossii vtoroi poloviny XIX — nachala XX v.* [Russia's Agrarian System in the Second Half of the 19th — Early 20th Century], Moscow: ROSSPEN.

Lichkov L. S. (1902) K voprosu o reforme ofitsialnoi statistiki (preimushchestvenno po dannym yugo-zapadnogo kraya) [On the reform of official statistics (primarily based on the data on the South-Western region)]. *Kievskaya Starina*, January, pp. 1–34.

Liskun E. F. (1917) *Myasnoi vopros v sovremennoi khozyaistvennoi obstanovke* [Meat Question in the Current Economic Situation], Petrograd: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk.

Litoshenko L. N. (2001) *Sotsializatsiya zemli v Rossii* [Socialization of Land in Russia], Novosibirsk: Sibirsky khronograf.

Lositsky A. E. (1930) Statistika zhivotnovodstva [Livestock statistics]. *Khozyaistvennaya statistika SSSR*], Leningrad: Priboi, pp. 79–103.

Lubny-Gertsyk L. I. (1927) K voprosu o metodah sobiraniya i obrabotki statisticheskih svedenij po zhivotnovodstvu [On the methods for collecting and processing statistical data on animal husbandry]. *Vestnik Statistiki*, no 2, pp. 112–130; no 4, pp. 131–152.

Maress L. N. (1893) Pishcha narodnykh mass [Food of the masses]. *Russkaya Mysl*, no 11, pp. 60–75.

Markevich A., Kharrison M. (2013) *Pervaya mirovaya voina, Grazhdanskaya voina i vosstanovlenie: Natsionalny dokhod Rossii v 1913–1928 gg.* [World War I, Civil War and Recovery: Russia's National Income in 1913–1928], Moscow: Mysl.

Maslov P. P. (1955) *Kriticheskу analiz burzhuaznyh statisticheskih publikatsij* [Critical Analysis of the Bourgeois Statistical Works], Moscow: Izd-vo AN SSSR.

Mironov B. N. (2008) Dostatochno li proizvodilos pishchevyh produktov v Rossii v XIX — nachale XX v.? [Was there enough food produced in Russia in the 19th — early 20th century?]. *Uralsky Istorichesky Vestnik*, no 3, pp. 83–95.

Mironov B. N. (2012) *Blagosostoyanie naseleniya i revoliutsii v imperskoi Rossii: XVIII — nachalo XX veka* [Population Welfare and Revolutions in Imperial Russia: The 18th — Early 20th Century], Moscow: Ves mir.

Mironov B. N. (2019) *Rossijskaya modernizatsiya i revoliutsiia* [Russian Modernization and Revolution], Saint Petersburg: Dmitry Bulanin.

Nefedov S.A (2011) Uroven potrebleniya nachala XX veka i prichiny russkoi revoliutsii. Statiya 2. Problemy zhivotnovodcheskoi statistiki [Consumption level in the early 20th century and causes of the Russian revolution. Article 2: Problems of the livestock statistics]. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost*, no 3, pp. 97–111.

Nifontov V. P. (1937) *Produktsiya zhivotnovodstva SSSR* [Livestock Production in the USSR] (ed. by I. A. Kraval), Moscow: Izd-vo "Planovoe khozyaistvo".

Opyt ischisleniya narodnogo dokhoda 50 gub. Evropeiskoi Rossii v 1900–1913 gg. (1918) [A Calculation of the National Income of 50 Provinces of European Russia in 1900–1913] (ed. by S. N. Prokopovich), Moscow.

Ostrovsky A. V. (2014) *Zhivotnovodstvo Evropeiskoi Rossii v kontse XIX — nachale XX v.* [Animal Husbandry in European Russia in the Late 19th — Early 20th Century], Saint Petersburg: OOO "Poltorak".

Ostrovsky A. V. (2016) *Rossiiskaya derevnia na istoricheskom pereputye. Konets XIX — nachalo XX v.* [Russian Village at the Historical Crossroads: Late 19th — Early 20th Century], Moscow: Tovarishchestvo nauchnyh izdanij KMK.

Ozerov I.Kh. (1905) *Ekonomicheskaya Rossiia i ee finansovaya politika na iskhode XIX i v nachale XX veka* [Economic Russia and Its Financial Policy in the Late 19th — Early 20th Century], Moscow: Tipo-litografiia T-va I. N. Kushnerev i Ko.

Prikionsky S. A. (1884) *Narodnaya zhizn na Severe* [People's Life in the North], Moscow: Tipo-litografiia T-va I. N. Kushnerev i Ko.

Pronin V. I. (1978) Skotovodstvo v Sibiri v XIX — nachale XX vv. (k statistike voprosa) [Cattle breeding in Siberia in the 19th — early 20th centuries (its statistics)]. *Iz Istorii Altaya*, Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, pp. 95–129.

Radtsig A. A. (1899) *Skotovodstvo i molochnoe khozyaistvo v raznyh gosudarstvah* [Cattle Breeding and Dairy Production in Different Countries], Saint Petersburg: Tipografiya T-va "Narodnaya polza".

Rynkov V. M. (2024) Statisticheskie istochniki v svete vidovoi klassifikatsii [Statistical sources in the context of typological classification]. *Uralsky Istorichesky Vestnik*, no 3, pp. 114–124.

Sbornik svedenij po istorii i statistike vneshnei torgovli Rossii. T. 1 (1902) [Collection of Materials on the History and Statistics of Russia's Foreign Trade, vol. 1] (ed. by V. I. Pokrovsky), Saint Petersburg: Tipo-litografiia M. P. Frolovoi.

Serebrennikov I. I. (1920) *Materialy k voprosu o chislennosti i sostave skota v Sibiri: (Selskokhozyaistvennaya perepis 1916 goda)* [Materials on the Number and Composition of Livestock in Siberia: (1916 Agricultural Census)], Harbin: Tipografiia KVZhD.

Vainshtein A. L. (1960a) Iz istorii predrevolyutsionnoi statistiki zhivotnovodstva: o chislennosti pogoloviya skota i izmeneniiah ee v gody Pervoi mirovoi voiny [On the history of pre-revolutionary livestock statistics: Number of livestock and its changes during the First World War]. *Ocherki po istorii statistiki SSSR: (Sbornik trety)*, Moscow: Gosstatizdat TsSU SSSR, pp. 86–115.

Vainshtein A. L. (1960b) *Narodnoe bogatstvo i narodnokhozyaistvennoe nakoplenie v predrevolyutsionnoi Rossii: (Statisticheskoe issledovanie)* [National Wealth and Economic Accumulation in Pre-Revolutionary Russia: (A Statistical Study)], Moscow: Gosstatizdat TsSU SSSR.

Vainshtein A. L. (1969) *Narodny dokhod Rossii i SSSR: Istoriya, metodologiya ischisleniya, dinamika* [National Income of Russia and the USSR: History, Methodology of Calculations, Dynamics], Moscow: Nauka.